

ДИСКУССИИ

Д.Б. Волков

ПРЕИМУЩЕСТВА НАРРАТИВНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ТОЖДЕСТВА ЛИЧНОСТИ

Волков Дмитрий Борисович – доктор философских наук, содиректор. Московский центр исследования сознания при философском факультете МГУ. Российская Федерация, 119121, г. Москва, ул. Бурденко, д. 14А; e-mail: dvolkoff@gmail.com

Проблема тождества личности обычно рассматривается как проблема реидентификации личности в разное время. Таким образом она интерпретируется в психологическом, биологическом и субстанциональном подходах. Нарративный подход отличается тем, что его сторонники заменяют вопрос о реидентификации вопросом о характеристике и доказывают, что такая постановка проблемы позволяет успешно справиться с практическими задачами: приписыванием ответственности за действия в прошлом и определением критериев выживания. Согласно мнению автора статьи, особенностями нарративного подхода также являются приоритет оценки от первого лица и понимание личности как четырехмерной сущности, протяженной во времени. Нарративный подход предполагает, что атрибуция действий и характеристик личности происходит с помощью включения их в целостный автобиографический нарратив. Внутренними критериями единства нарратива является единство перспективы, интеллигибельность и телеологичность истории. Внешними критериями служат возможность изложения (в первую очередь протагонистом истории) и правдоподобность. Автор приходит к выводу, что нарративный подход в целом успешно справляется с атрибуцией действий и вопросами выживания личности на фактических и гипотетических примерах.

Ключевые слова: тождество личности, нарративный подход, реидентификация, характеристика личности, Локк, Деннет, Шехтман

Проблема тождества личности

Под философской проблемой тождества личности обычно имеется в виду проблема реидентификации, поиск критериев для отождествления личности в один момент с личностью в другой момент времени. В тривиальных обстоятельствах эта проблема не кажется острой: личности без каких-либо сомнений идентифицируют друг друга в различное время. Но существуют ситуации, когда реидентификация вызывает трудности. Они появляются, в частности, тогда, когда под воздействием внешних обстоятельств состояния, характер и ценности человека радикально изменяются. Различаются суждения о том, сохраняется ли тождество личности до и после комиссуротомии

мозга и в случаях расщепления психики у пациентов с диссоциативным расстройством идентичности. Больше всего споров возникает о гипотетических ситуациях, таких как трансплантация мозга и его частей или клонирование психологических свойств личности.

Одним из решений проблемы тождества личности является *нарративный подход*. Он объединяет разных мыслителей, различные метафизические позиции, которые, в свою очередь, относятся как к аналитической, так и к континентальной традиции. В связи с этим возникают трудности для историко-философского обобщения. Однако я считаю возможным реконструировать и достроить теорию, которая могла бы объединить наиболее перспективные решения в нарративном подходе. Цель этой статьи – провести именно такие реконструкцию и обобщение.

Центральным вопросом для сторонников нарративного подхода, в частности М. Шехтман¹, Д. Деннета², К. Эткинз³ и А. Макинтайра⁴, является характеристика личности. Это вопрос о том, как действия, переживания, убеждения, ценности, желания, черты характера и т. п. могут быть отнесены к конкретному человеку. Для сторонников нарративного подхода задача характеристики заменяет поиск способов реидентификации в практическом отношении в случаях приписывания ответственности и определения условий выживания. Нарративисты утверждают, что для определения, несет ли ответственность личность P_2 за действия личности P_1 , не обязательно устанавливать тождество между P_1 и P_2 – достаточно понять, могут ли действия P_1 быть приписаны или служить характеристиками P_2 . И чтобы определить, выжила ли личность P_1 , достаточно выяснить, могут ли события жизни P_1 быть приписаны P_2 . То есть нарративисты заменяют вопрос реидентификации на вопрос характеристики. В этом – первая особенность подхода. Характеризация – это попытка установить, что составляет личность на самом деле. Ответом на него является нарратив.

Под нарративом сторонники подхода обычно подразумевают предстание последовательности событий. События в нарративе распределены во времени и связаны между собой смыслом. В нарративе просматриваются закономерности. Нарратив, таким образом, предполагает не только констатацию фактов, но также объяснение событий (каузальное или логическое). Главное действующее лицо нарратива – агент. Он является активным началом, которое инициирует действия, а не просто звеном в каузальной цепочке событий. Действия обусловлены ценностями, желаниями, убеждениями и характером агента. Осмысленность отдельных действий появляется благодаря включению их в общую структуру истории. В структуре истории есть начало, середина и конец. Этим нарратив отличается от хроники.

Нарратив реализуется в первую очередь в автобиографическом рассказе. Эта опора на оценку от первого лица составляет вторую особенность нарративного подхода. В этом смысле он отличается от современного психологического подхода к проблеме тождества личности и созвучен исходно локковской идее о приоритете автобиографической памяти. Именно поэтому нар-

¹ Schechtman M. *Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life*. Oxf., 2014.

² Dennett D. *The Self as a Center of Narrative Gravity // Self and Consciousness: Multiple Perspectives*. Hillsdale (NJ), 1992. P. 103–115.

³ Atkins K. *Narrative Identity and Moral Identity. A Practical Perspective*. Oxf., 2010.

⁴ MacIntyre A. *After Virtue. A Study in Moral Theory*. Notre Dame, 2007.

ративистов иногда относят к прямым последователям Локка⁵. В отличие от современных сторонников психологического подхода, нарративисты считают, что одной лишь психологической преемственности недостаточно, чтобы связать состояния личности в разное время. Необходима рефлексия личности о собственной истории, принятие ею своей автобиографии. Без этой рефлексии выживание личности теряет особое значение. Что толку, если выживет личность, обладающая преемственными по отношению к вам психологическими характеристиками, если она не будет историю вашей жизни считать своей. На эту интуицию указывают нарративисты Дж. и С. Schroer⁶.

Нарративный подход, как и психологический или биологический⁷, является редукционистским, и в этом состоит его преимущество перед субстанциональной теорией. Представители субстанционального подхода (как, например, Суинберн⁸) утверждают, что преемственности психологических, биологических, физиологических и прочих «эмпирицистских» характеристик недостаточно, чтобы обеспечить тождество личности. С этим сторонники нарративного подхода соглашаются, обычно выдвигая схожие аргументы против психологического и биологического подходов. Однако из недостаточности психологических и биологических критериев субстанционалисты обычно делают сильный вывод о том, что отношение тождества личности в принципе нередуцируемо и фундаментально. При этом личность ассоциируется с особым рода субстанцией (душой). Такая субстанция, независимо от вариаций любых привходящих характеристик (включая память, черты характера, физиологическую организацию и проч.), по определению остается неизменной и самотождественной, чем и объясняется тождество личности с течением времени. Однако такая трактовка сталкивается с эпистемологической проблемой: как возможно установить истинность или ложность утверждений о тождестве личности, если отношение субстанционального тождества нам никак не может быть дано непосредственно, а все возможные косвенные свидетельства такого тождества (биологические, физиологические и психологические характеристики) признаются акцидентальными и, следовательно, не могут считаться хоть сколько-нибудь надежными?

Сторонники нарративного и психологического подходов обходят эту проблему. Обе теории сводят тождество личности во времени к каким-то более фундаментальным основаниям. Но представления о фундаментальной основе личности в психологическом и нарративном подходах отличаются. Согласно большинству психологических теорий, личность представляет собой совокупность психологических характеристик и диспозиций, реализованных в конкретном временном эпизоде. Поэтому сторонники психологического подхода анализируют отношение асинхронного тождества этих совокупностей в разные эпизоды времени. Согласно нарративному подходу, личность не сводится к ее эпизодам, а образуется особым образом сконструированной цепочкой событий, и в этом – третья важная особенность нарративных теорий. *Нарративисты представляют личность целостным протяженным во*

⁵ Heersmink R. Distributed Selves: Personal Identity and Extended Memory Systems // *Synthese*. 2017. Vol. 194. Issue 8. P. 3136.

⁶ Schroer J., Schroer R. Getting the Story Right: A Reductionist Narrative Account of Personal Identity // *Philosophical Studies*. 2014. No. 3. P. 1–25.

⁷ См., напр.: Olson E. *The Human Animal. Personal Identity Without Psychology*. Oxf., 1997.

⁸ См. его работы: Swinburne R. *Personal Identity: the Dualist Theory* // Shoemaker S., Swinburne R. *Personal Identity*. Oxf., 1991. P. 1–65; Swinburne R. *Mind, Brain and Free Will*. Oxf., 2013.

времени объектом⁹. Поэтому в нарративных теориях анализируют соотношение асинхронных частей личности, а не целых совокупностей психологических черт. Об этом говорит, например, Карр, когда пишет: «Личность является единством ряда пересекающихся проекций, сделанных с различных темпоральных точек зрения»¹⁰. Нарративисты, таким образом, исследуют отношение частей личности к целому.

Каковы же критерии включения частей в единую биографическую историю? Как должны быть связаны временные части личности, чтобы составлять один нарратив?

Требования к биографическому нарративу

У разных философов по-разному определяются требования к образующим личность биографическим историям. Иногда эти требования не выражены явным образом, а встречаются в примерах. Однако, на мой взгляд, большинство согласилось бы со следующими тремя ключевыми внутренними характеристиками нарратива: *единая динамическая перспектива*, *интеллектуальная гибельность* и *телеологическая направленность*¹¹. Первое из упомянутых требований заключается в наличии точки, в которой сходятся события – единой *перспективы*. «... Теоретическую ясность можно получить при организации интерпретации вокруг центральной абстракции...»¹² – пишет Д. Деннет. Точка схождения перспективы и есть такая абстракция. Она имеет четкие временные и пространственные координаты, но может перемещаться. Перемещение точки перспективы в развивающейся истории в основном последовательно и непрерывно как в пространстве, так и во времени. Конкретное расположение точки перспективы обуславливает избирательное отношение к обстоятельствам и выражается в описаниях под каким-то специфическим углом зрения. Перспектива действует как прожектор, выхватывая из бесконечности доступных описаний основное. Исходя из точки перспективы, из этого «центра гравитации» нарратива¹³, часть обстоятельств выделяется как значимая, а часть игнорируется. Значимые события изображаются подробнее, их временные рамки как бы раздвигаются. А незначительные обстоятельства проходят мимолетно или вообще не указываются. Соблюдается систематичность в отображении различных планов по степени важности. Таким образом, законы перспективы позволяют отбирать и структурировать элементы нарратива.

Второе требование – это *интеллектуальная гибельность*. Нарратив состоит из последовательности событий, и эти события связаны друг с другом. Связкой отчасти выступает хронология, но она – лишь следствие соблюдения другого правила. В истории основным связующим звеном является каузальная связь, и даже в большей степени – ментальная каузальность. Действия уя-

⁹ Эту особенность нарративного подхода, в частности, подчеркивает П. Стоукз (*Stokes P.* Is Narrative Identity Four-Dimensionalist // *European Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 20. Issue S1. P. 86–106).

¹⁰ *Carr D.* Time, Narrative, and History. Bloomington; Indianapolis, 1986. P. 161.

¹¹ Подробно эти внутренние и внешние требования к нарративам я разбираю в статье «Нарративный подход как решение проблемы тождества личности» (*Волков Д.Б.* Нарративный подход как решение проблемы тождества личности // *Вестник СПбГУ*. Сер. 17. 2016. Вып. 4. С. 21–32).

¹² *Деннет Д.* Почему каждый из нас является новеллистом // *Вопр. философии*. 2003. № 2. С. 122.

¹³ Там же.

зываются с ментальными состояниями, а эти ментальные состояния, сочетаясь между собой, согласуются с сущностными характеристиками личностей. Ментальные состояния объясняют поступки, а характер и склонности личности – ментальные состояния. Из одних ментальных состояний проистекают другие. Таким образом, вся жизненная траектория становится интеллигибельной. «Значимость понятия интеллигибельности тесно связана с тем фактом, что наиболее фундаментальное различие из всех, что пронизывают наш дискурс и нашу практику в этой области, – это различие между человеком и другими существами»¹⁴, – пишет один из сторонников нарративного подхода, А. Макинтайр.

Внешние обстоятельства влияют на героя нарратива и могут значительно изменить его состояния, намерения, желания и даже характер. Но и внешние изменения происходят не без причин. Причины включаются в историю и объясняют эти изменения. Таким образом, вся история должна быть понятной, последовательной, осмысленной, а траектория психической жизни персонажа – непрерывной. Причем сама личность должна эту траекторию в какой-то мере осознавать, в особенности ту ее часть, которая объясняет ее собственные поступки. Нарративная концепция личности «предполагает, что личность обладает представлением о себе, которое связывает... [раздельные свойства личности] в определенный характер»¹⁵. В наличии подобных связи и общей интеллигибельности – второе основание единства нарратива.

Третий объединяющий механизм биографической истории – *телеологическая направленность*. История должна структурироваться движением личности к каким-то долгосрочным целям, даже если эти цели эксплицитно не заявлены. Утверждать, что жизнь личности нарративна по своей сущности, «означает хотя бы отчасти утверждать, что никакая стадия не может быть полностью интеллигибельной – или даже определяемой – вне контекста жизни, в которой она имеет место»¹⁶. Иерархия целей может увенчиваться каким-то основным ориентиром, главным маяком в биографии личности. Именно этот главный ориентир наделяет значение отдельные поступки и решения личности. Главные ориентиры могут быть разные. Это может быть выживание, благополучие, доминирование, навязывание другим своей воли или получение максимального удовольствия. Но некоторые сторонники нарративного подхода (в первую очередь герменевтического направления) настаивают, что подлинное «личное благо» должно совпадать с добром как всеобщей ценностью: желанием жить хорошо вместе с другими и для других в справедливом обществе. Только наличие этого главного этического ориентира, по их мнению, делает осмысленной жизнь в целом и каждое действие в отдельности.

Перечисленные характеристики нарратива позволяют изнутри объединить историю. Это – требования к *внутреннему* содержанию (логике и структуре) биографической истории. Но в работах нарративистов (в частности, М. Шехтман и Н. Линдемманн) встречаются еще два необходимых *внешних* условия, которые, по их мнению, следует предъявлять к биографическим нарративам. Это – *возможность изложения* и *правдоподобность*.

Само существование нарратива зависит от возможности его изложения агентами, в первую очередь самим протагонистом. Это предполагает способность протагониста формулировать свою жизненную историю в рассказе от первого лица с соблюдением указанных выше требований. Личность «дол-

¹⁴ Macintyre A. Opt. cit. P. 209.

¹⁵ Schechtman M. The Constitution of Selves. N. Y., 1996. P. 97.

¹⁶ Ibid.

жна быть способной объяснить, почему она делает то, что делает, почему имеет такие убеждения, чувствует то, что чувствует»¹⁷. Важность изложения истории именно от первого лица обуславливается тем, что протагонист имеет наиболее достоверную информацию, необходимую для ответа на вопрос о характеристике. Именно протагонист обладает прямым доступом к ментальным состояниям, которые обосновывают его действия. Впрочем, дополнения истории могут и даже должны формулироваться другими личностями. Эту возможность подчеркивает, в частности, Н. Линдемманн¹⁸. Рассказы от третьего лица помогают включить в биографическую историю фрагменты, которые сам агент может не помнить или отчета в которых он себе не отдает, а также обеспечить второе важное внешнее условия нарратива – правдоподобность.

Повествующий агент может допускать и всегда допускает какие-то ошибки. Но хотя бы часть суждений в нарративе о событиях должна совпадать с суждениями других личностей. Другими словами, описания событий от первого лица должны хотя бы отчасти совпадать с описаниями от третьего лица других участников и свидетелей событий. Иначе это будет фантастический нарратив, и по нему нельзя будет проводить атрибуцию действий и ответственности. «Каждый из нас, являясь главным героем собственной драмы, играет второстепенные роли в драмах других, и, таким образом, каждая драма служит ограничением для других», – пишет А. Макинтайр¹⁹.

Ошибочные нарративы

Большинство автобиографических историй в значительной степени соответствуют внутренним и внешним критериям нарратива и корректно отвечают на вопрос характеристики. Примерами служат известные тексты, такие как «Другие Берега» В. Набокова, «Исповедь» Л. Толстого, «Дорога» Джека Лондона, «Дневник одного гения» С. Дали. Внутренним и внешним критериям нарратива соответствует множество личных дневников и устных рассказов о жизни от первого лица. По ним можно проводить атрибуцию ответственности и судить о том, какие события входят в жизнь личности. Но иногда вопрос о соответствии нарратива критериям не так очевиден. Чтобы проиллюстрировать работу нарративного подхода, я хочу представить анализ двух случаев. Это будут примеры с *минимальным* и *вымышленным нарративом*. Первой возьмем реальную ситуацию пациента с амнезией – историю Клайва Веаринга.

Веаринг в зрелом возрасте перенес заболевание мозга, которое привело к одной из сильнейших форм амнезии. После травмы мозг этого человека перестал формировать долгосрочные воспоминания. Веаринг обладает только краткосрочной памятью, фиксирующей события не более чем на 30 секунд. Стоит ему закрыть глаза или даже моргнуть, как он забывает все, что происходило до этого. «Я только что проснулся, после бесконечного сна», – говорит он каждые 30 секунд. Кроме потери способности формирования новых воспоминаний, Клайв страдает также ретроградной амнезией – он утратил большинство воспоминаний о своей жизни до болезни. Единственный человек, которого он безошибочно узнает, – жена Дебора, а единственный сохранный навык – способность играть на фортепиано. Веаринг фиксирует свой нарратив в дневнике, который по настоянию Деборы он ведет. Это цепочка

¹⁷ Schechtman M. The Constitution of Selves. P. 114.

¹⁸ Lindemann N.H. Damaged Identities, Narrative Repair. N. Y., 2001.

¹⁹ Macintyre A. Opt. cit. P. 213.

повторяющихся строк: «8:31 AM. Я реально, полностью в сознании. 9:06 AM. Теперь я прекрасно, ошеломительно осознаю все. 9:34 AM. Теперь я в высшей степени проснулся». Каждый раз, записывая новую строчку, Веаринг зачеркивает предыдущую, как бы опровергая ее. Веаринг – узник настоящего. Является ли он в состоянии амнезии личностью с позиции нарративного подхода? И продолжает ли он жизнь Веаринга до амнезии? Мне кажется, ответы на оба вопроса с позиции нарративного подхода отрицательные.

У Клайва есть нарратив от третьего лица, и даже очень подробный – биография, написанная его женой, Деборой Веаринг. Но, как мне кажется, в такой ситуации сторонник нарративного подхода должен отрицать наличие достаточных оснований для атрибуции действий в прошлом и выживания личности. Личность в первую очередь сама должна иметь возможность объяснить свое поведение и убеждения, а Веаринг сделать этого не может. Нарратив от третьего лица может дополнять, уточнять или верифицировать собственный нарратив личности, но он не может полностью заменить его. Веаринг не отдает себе отчета в поступках, совершенных в прошлом, его ментальные состояния не определяют поведение в долгосрочной перспективе. Поэтому его нарратив не удовлетворяет требованиям изложения и интеллигибельности. Его текущее состояние, к сожалению, нельзя оценить как продолжение жизни личности до болезни. Кажется, Веаринг и сам так оценивает ситуацию: «Вы можете представить ночь, длящуюся пять лет? Ни снов, ни пробуждений, ни прикосновения, ни вкуса, ни запаха, ни звука, ни слуха, ничего вообще. Это как быть мертвым. Я пришел к выводу, что я умер»²⁰.

В такой интерпретации нарративный подход снимает ответственность с Веаринга за поступки в прошлом. И, думаю, обыденные интуиции и результаты нарративного анализа здесь должны совпасть. Вряд ли мы сочли бы Веаринга ответственным за действия в прошлом, ведь он их совсем не помнит и вспомнить не может. Он не смог бы понять оснований наказания или поощрения, связанного с этими действиями. Веаринг действительно замкнут в настоящем. Таким образом, данная ситуация демонстрирует важность изложения нарратива от первого лица и отсутствие противоречий обыденных интуиций и нарративного подхода. Следующей иллюстрацией будет ситуация с глубоким заблуждением личности. Она должна показать, справляется ли нарративный подход с фиктивными историями. Пример, о котором идет речь, в похожем виде используется М. Шехтман²¹.

Предположим, что некто по имени Чарлз, живущий в XX в., считает себя Наполеоном. Чарлз убежденно рассказывает, что командовал войсками в битве при Ватерлоо. Причиной сражения он считает свое стремление к мировой гегемонии, а его целью – восстановление величия Французской империи. Чарлз принимает на свой счет ответственность за поражение. При этом он не помнит множества других частных подробностей жизни Наполеона, а появление убеждения в том, что он – Наполеон, совпадает с тяжелой психологической травмой, пережитой Чарлзом. Следует ли из нарративного подхода, что Чарлз несет ответственность за действия Наполеона и что жизнь Чарлза продолжает жизнь Наполеона?

Согласно оценке М. Шехтман, такие сценарии легко отсеиваются нарративным подходом. «Достаточно нескольких моментов размышления, чтобы определить, что такие заблуждения могут быть отвергнуты в связи

²⁰ Sacks O. The Abyss: Music and Amnesia // The New Yorker. 2007. September 24. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2007/09/24/the-abyss> (дата обращения: 19.09.2017).

²¹ Schechtman M. The Constitution of Selves. P. 121.

с тем, что они конфликтуют с очевидными и наблюдаемыми ошибками в представлениях рассказчика о непосредственной окружающей обстановке»²². По ее мнению, этот нарратив нарушает критерий правдоподобности. Сколько лет Чарлзу и сколько должно быть Наполеону? Какого роста Чарлз и действительно ли он женат на Жозефине? Какое тело было у Наполеона и какое – у Чарлза? Эти и подобные вопросы, с точки зрения Шехтман, окончательно исключают возможность включения событий из жизни Наполеона в нарратив Чарлза.

Но я думаю, что это не лучшая тактика для нарративиста. В этом ответе скрытым образом используется телесный критерий атрибуции, ведь именно на основании различия истории тел Шехтман различает Наполеона и Чарлза. Без задействования телесного критерия интерпретация жизни Чарлзом не будет противоречить правдоподобности: события в жизни Наполеона отражены в принципе верно, как и события в жизни Чарлза. Вопрос только в том, как они сочетаются.

Я считаю, что включать действия Наполеона в нарратив Чарлза нельзя из-за нарушения принципа интеллигибельности. Этот принцип предполагает, что ментальные состояния личности имеют преемственный характер. Эта преемственность из истории не видна. Более того, в этой истории указывается на другое основание иллюзии – душевную травму Чарлза. Она более естественным образом объясняет иллюзорные восприятия Чарлза. Нарративный подход не отрицает принципиальную возможность объединения в одном нарративе жизни двух тел при условии преемственности ментальных состояний. Но эта преемственность должна быть обоснована. Она могла бы быть обоснована, если бы эмпирически было показано, как состояния человека, умершего в прошлом, прямым образом оказывают каузальное влияние на состояния человека в настоящем. Но до тех пор, пока это не сделано, объяснение состояний Чарлза как результата его психологической травмы должно превалировать. В этом контексте Чарлза следует характеризовать не как Наполеона, а как фантазера или больного человека, воображающего себя Наполеоном.

Заключение

Нарративный подход является одним из решений проблемы тождества личности в практической плоскости: вопросов выживания и атрибуции ответственности. Истоком интуиций как для нарративного, так и для психологического, наиболее распространенного в современной философии подхода служат работы Дж. Локка²³. Особенности нарративного подхода являются: особая постановка вопроса о тождестве личности, приоритет оценки от первого лица и понимание личности как четырехмерной сущности, протяженной во времени. Нарративный подход предполагает, что атрибуция действий и характеристик личности происходит с помощью включения их в целостный автобиографический нарратив. Внутренними критериями единства нарратива являются единство перспективы, интеллигибельность и телеологичность истории. Внешними критериями служат возможность изложения (в первую очередь протагонистом истории) и правдоподобность. Нарративный подход в целом успешно справляется с атрибуцией действий и вопросами выживания личности, как это было продемонстрировано на конкретных примерах.

²² *Schechtman M.* The Constitution of Selves. P. 121.

²³ *Локк Дж.* Соч.: в 3 т. Т. 1: Опыт о человеческом разумении. М., 1985.

Список литературы

- Волков Д.Б.* Нарративный подход как решение проблемы тождества личности // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2016. Вып. 4. С. 21–32.
- Деннет Д.* Почему каждый из нас является новеллистом / Пер. с англ. Н.С. Юлиной // Вопр. философии. 2003. № 2. С. 121–130.
- Локк Дж.* Соч.: в 3 т. Т. 1: Опыт о человеческом разумении / Пер. с англ. А.Н. Савина. М.: Мысль, 1985. 560 с.
- Atkins K.* Narrative Identity and Moral Identity. A Practical Perspective. Oxf.: Routledge, 2010. 175 p.
- Carr D.* Time, Narrative, and History. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1986. 189 p.
- Dennett D.* The Self as a Center of Narrative Gravity // Self and Consciousness: Multiple Perspectives / Ed. by F. Kessel, P. Cole and D. Johnson. Hillsdale (NJ): Erlbaum Associates, 1992. P. 103–115.
- Heersmink R.* Distributed Selves: Personal Identity and Extended Memory Systems // Synthese. 2017. Vol. 194. Issue 8. P. 3135–3151.
- Lindemann N.H.* Damaged Identities, Narrative Repair. N. Y.: Cornell University Press, 2001. 224 p.
- MacIntyre A.* After Virtue. A Study in Moral Theory. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2007. 312 p.
- Olson E.* The Human Animal. Personal Identity Without Psychology. Oxf.: Oxford University Press, 1997. 200 p.
- Sacks O.* The Abyss: Music and Amnesia // The New Yorker. 2007. September 24. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2007/09/24/the-abyss> (дата обращения: 19.09.2017).
- Schechtman M.* The Constitution of Selves. N. Y.: Cornell University Press, 1996. 192 p.
- Schechtman M.* Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life. Oxf.: Oxford University Press, 2014. 224 p.
- Schroer J., Schroer R.* Getting the Story Right: A Reductionist Narrative Account of Personal Identity // Philosophical Studies. 2014. No. 3. P. 1–25.
- Stokes P.* Is Narrative Identity Four-Dimensionalist // European Journal of Philosophy. 2012. Vol. 20. Issue S1. P. 86–106.
- Swinburne R.* Personal Identity: the Dualist Theory // *Shoemaker S., Swinburne R.* Personal Identity. Oxf.: Wiley-Blackwell, 1991. P. 1–65.
- Swinburne R.* Mind, Brain and Free Will. Oxf.: Oxford University Press, 2013. 256 p.

Benefits of a narrative approach to personal identity

Dmitry B. Volkov

The Moscow Center for Consciousness Studies. 14 A Burdenko Str., Moscow, 119121, Russian Federation; e-mail: dvolkoff@gmail.com

The problem of personal identity is often defined as a problem of reidentification of a person at different moments. This way it is defined in psychological, biological and substance theories of personal identity. Proponents of the narrative approach replace the question of reidentification with the question of characterization and suggest that framing it this way resolves some practical aspects of the problem more efficiently, as far as the attribution of actions and responsibility and the determination of the conditions of survival are concerned. The author of this paper maintains that the priority of first-person view and the four-dimensional model of a person, extended in time, are also special features of the narrative approach. Narrative approach presupposes that the attribution of actions and personal characteristics is based on the inclusion of these properties in a holistic, unified autobiographical narrative. Internal requirements of such narrative include unity of perspective,

intelligibility and teleological direction of the story. External requirements of the narrative include the possibility of presentation (primarily from the first person viewpoint) and credibility. The author concludes that narrative approach is on the whole successful in both attributing actions and determining survival in actual and hypothetical situations.

Keywords: personal identity, narrative approach, reidentification question, characterization question, Locke, Dennett, Marya Schechtman

References

Atkins, K. *Narrative Identity and Moral Identity. A Practical Perspective*. Oxford: Routledge, 2010. 184 pp.

Carr, D. *Time, Narrative, and History*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1986. 189 p.

Dennett, D. "Pochemu kazhdyj iz nas yavlyaetsya novellistom" [Why Everyone is a Novelist], trans. by N.S. Yulina, *Voprosy filosofii*, 2003, No. 2, pp. 121–130. (In Russian)

Dennett, D. "The Self as a Center of Narrative Gravity", *Self and Consciousness: Multiple Perspectives*, ed. by F. Kessel, P. Cole and D. Johnson. Hillsdale, NJ: Erlbaum Associates, 1992, pp. 103–115.

Heersmink, R. "Distributed Selves: Personal Identity and Extended Memory Systems", *Synthese*, 2017, Vol. 194, Issue 8, pp. 3135–3151.

Lindemann, N. H. *Damaged Identities, Narrative Repair*. New York: Cornell University Press, 2001. 224 pp.

Locke, J. *Sochineniya: v 3 t. T. 1: Opyt o chelovecheskom razumenii* [Works in 3 Vols. Vol. 1: An Essay concerning Human Understanding], trans. by A.N. Savin. Moscow: Mysl' Publ., 1985. 560 pp. (In Russian)

Macintyre, A. *After Virtue. A Study in Moral Theory*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2007. 312 pp.

Olson, E. *The Human Animal. Personal Identity Without Psychology*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 200 pp.

Sacks, O. "The Abyss: Music and Amnesia", *The New Yorker*, 2007, September 24 [http://www.newyorker.com/magazine/2007/09/24/the-abyss, accessed on 19.09.2017].

Schechtman, M. *The Constitution of Selves*. New York: Cornell University Press, 1996. 192 pp.

Schechtman, M. *Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 224 pp.

Schroer, J. & Schroer, R. "Getting the Story Right: A Reductionist Narrative Account of Personal Identity", *Philosophical Studies*, 2014, No. 3, pp. 1–25.

Stokes, P. "Is Narrative Identity Four-Dimensionalist", *European Journal of Philosophy*, 2012, Vol. 20, Issue S1, pp. 86–106.

Swinburne, R. "Personal Identity: the Dualist Theory", in: S. Shoemaker & R. Swinburne, *Personal Identity*. Oxford: Wiley-Blackwell, 1991, pp. 1–65.

Swinburne, R. *Mind, Brain and Free Will*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 256 pp.

Volkov, D. B. "Narrativnyj podhod kak reshenie problemy tozhdestva lichnosti" [Narrative approach as the solution to the personal identity problem], *Vestnik SPbGU*, Ser. 17, 2016, Vol. 4, pp. 21–32. (In Russian)